

Андрей
ПРАВДА

Забывтая —
латунь

Андрей
ПРАВДА

Забывая

латунь

СТИХИ

Кемерово
Издательство
«Сибирский родник»

1995 г.

ББК 843Р7 П
68

На золотых листах
Нам осень шлет стихи.
Они легки в устах,
И звонки, и сухи...

А поднесешь к свече —
И вспыхнут, и золой
Рассыплется в луче —
Вновь сочини и пой!

1987 г.

П 95
4702010202-1
ЛР № 030182
ISBN 5-8434-0035-2

Правда А., 1995

Мы копаем картошку,
Пьем студеную воду...
Осень серою кошкой
Бродит по огороду...

Вечер губы нам смажет
Горьким соком калины
И с небесною пряжей
Клик совет журавлиный.

И запахнет листвою
И печными дымами,
И соломой сырою
От полей за домами.

Утро в зябком суконце,
Поспешая к помолу,
Обронит из подола
Полусонное солнце.

1994 г.

В ОСЕННЕМ САДУ

Там были георгины,
Словно раны...
Там астры жгли тебя лучами,
А флоксы
Так хотели одурманить!..

Но ты поставила
Тяжелые букеты
На подоконник
В банки из стекла...

И к нам в окно
Спокойно жизнь текла,
Кленовым солнцем
До глубин согрета.

1987 г.

* * *

Лежат просторные дни.
Дни какого-то легкого
Безосновательного счастья —
Дни ранней осени,
Когда впору слушать мандолину
Или семиструнную гитару;
Или ехать куда-нибудь
Ранним утром через туман
По сырým рельсам,
Пахнувшим первой прелью и дымом...
Просыпаться рано,
Почти осязая холодный и сухой
Запах извѣстки,
И длинно изучать рисунок трещин
На старых стенах...
И знать воду —
Холодную, темную
И слегка мутную...
Такой она бывает только в это время —
Как глаза,
Полные еще непонятного,
Но-уже тоскливого предчувствия.
И очень хорошо,
Если к обеду
Посчастливится достать
Какого-нибудь вина —
Как-то: темно-красное,
Чуть солоноватое,
В свинцовой оплетке...
И пить его
Прямо из горлышка,
Которое после каждого глотка
Остается влажным,
Как и губы...
Смотреть вдаль на убегающие облака —
Какие-то очень обычные и родные,
Видеть реку, дорогу...
И дышать-дышать,
Как лес, наполнивший своим дыханием
день...
И тогда, особенный этот воздух Заставит
Тебя плакать...
Просто так.

1988 г.

ДОЖДЬ

Бредут с горы
Усталые монахи.
Они одеты
В серые туманы.
Они идут,
Но видно
Только взмахи
В росе намокшей
Грозовой сутаны...
И кажется,
Что время недвижимо...
Или во мгле
Оно проходит мимо?

1987 г.

* * *

Тянет судорога сухожилия
Пожелтевших акаций. Вода
Затопила весь свет без усилия,
И на бочках гудят обода...

Я от запаха флоксов дурею —
День влезает в сырое окно,
Зацепив проводов португую,
Ветку клена, гардин полотно...

Уж за полдень — затылок немеет —
Сонно бухнув, затихли басы...
Я с подушки подняться не смею —
В доме крадучись ходят часы...

1985 г.

* * *

Осень.
Холодно.
Небо распутно.
Ветер.
Волосы спутаны...
Крикнуть!
Вслед удаляющейся попутке...
И ощутить
Пустоту
И путь.

1982 г.

12

**К картине Леонардо
«Дама с горностаем»**

Быть может, псовая охота
Сорвется с хриплого смычка,
И душной страсти позолота
Коснется узкого зрачка.

И побежит под кожей бледной
Сухой и жадный жар борзых,
Вставляя в горло крик победный,
Сводя дыхание в поддых.

И полетит стремглав земля,
Теряя путеводность слуха,
И ухнут полые поля,
Переполняя шахту уха...

Так что ж, с азартом гончих стай
Играть в кровавую орлянку?
Но Ты едва ли, итальянка,
И самозванец — горностаи.

1989 г.

13

* * *

Косая синь... Косая сажень
В лежащих на снегу тенях...
И пухом изморозь в снях...
И морда печки в жирной саже —

Как будто кот, она, зажмурясь,
Уютно и тепло поет.
И лишь хозяин молча, хмурясь,
Глотками, шумно воду пьет.

Потом он, выглянув в оконце,
Сердито что-то пробурчит,
И... — катится по небу солнце,
Ломая льдистые лучи!

1994 г.

16

ФЕВРАЛЬ

Февраль раскачивает небо, как колокол
Надтреснувший, дребезжащий и хриплый,
Как голос простуженного,
С горлом туго замотанным колючим шарфом...

И далее —
Бежит по слежавшемуся снегу
К тяжелой глухой реке,
Где подо льдом
Плывут по течению спящие рыбы
В океан — холодный и соленый,
С дном,
Утерянным в темноте...

А ночью
опять
дует
ветер
сырой и тревожный...
И я замираю,
вспоминая
прошлое...

1986 г.

17

* * *

Зачем никчемный птичий свист
Мешать с февральскою простудой?
Гремишь постылою посудой,
И то — слывешь как скандалист!

Скользя по желобу зимы,
Все, будто бы в долгу у смерти,
В какой-то вечной круговерти
Тюрьмы, больницы и сумы...

И жить привыкли мы вполне
Под грубой коркою мороза.
Но что прикажешь делать мне
С поджатой лапкою мимозы?

1994 г.

* * *

По балетмейстерской воде
На лед, что как бумага тонок,
Знарок крутого фуэтэ,
Март глупых липок, как девчонок,
Заставил выйти в па-де-де.

Озябшим, гибким и нагим,
К теплу тянущимся спросонок,
Лишь плавательных перепонок
Меж пальцев не хватало им!

1994 г.

Ах, как гулялось нынче здорово!
Был воздух синий, сладкий, райский;
Снег — хрупкий, мартовский,
фарфоровый,
Как нежный мандарин китайский,
Который правил нами с полки,
Качая головой в углу...
Но в упоении от пира
Я будто уронил кумира —
И только талые осколки
На темном и сыром полу...

1994 г.

20

* * *

Здесь все снега, а сердце там,
Где круглый год в снегу вершины,
Где юг их прилепил картинно
К свежо положенным холмам,
Где свечи теплых тополей
Стоят над обмершею степью,
И пес гремит пудовой цепью
И лает на чужих людей,
И там же голый виноград
Никак не сбросит путы спячки —
Контуженный, глухой, незрячий,
Но все ж ползущий вдоль оград
Туда, где яблони в дыму
Стоят без четкого сознанья,
И где туманную кайму
Имеют грани мирозданья.
Туда, где утро, словно мел,
Разбавленный сырой водою,
Где пахнет известью и хною
Ночей и дней водораздел.

1990 г.

21

* * *

И вновь надвинулась весна
Зеленым тамбуром вагона,
Навозной одурью загона,
Тревогой мартовского сна,
Когда со странным и старинным
В тугую завязь спрятав связь,
Она к нам в комнаты влилась
Луной туманной и аршинной.
Влилась, а может быть, вкатилась
С частящим стуканьем колес,
С гурьбою елок и берез,
С надеждою на Божью милость...
А к площадям едва подсохшим
И клумбам черным и сырым,
Горча, как память о минувшем,
Пригнулся пригородный дым.

1990 г.

22

* * *

Март. Герани. Головная боль.
Неотвязных мыслей злая стая —
Все о смерти... Иль земли юдоль
Черное смятенье обнажает?
Что, Весна! И мы с тобой больны?
Как болезни, нас одолевают
Пролежни глубоких снов лесных,
Рек нарывы, озимь коревая...
Ветер лихорадочно шумит,
В узловатых вязах увязая,
И подходит к сердцу и стоит
Тишина соленая, сырая,
И в сиротстве парков и лесов
Собственное детство узнавая,
Ищет речь проростки новых слов,
Перегнутой сомнения взрыхляя.

1988 г.

23

* * *

Надменно, каменно скалистая вода
Стального неба выпад отражала,
И между ними теплая руда
Оленьим гоном пробежала...
Глубоким гулом полон лес рогов —
Корней трубящих жадная побудка!
И поединок — потен и багров
Плывет по воздуху рассудка!
Сцепление струящихся кровей!
Расширенность горячего дыханья!
И... все ж! — Меж пальцами ветвей —
Шального солнца убегание...

1988 г

24

* * *

Тонкий месяц да холод мяты
В темной талой небесной глуши.
Ты и тянешься, дым вороватый,
Сенник снов моих ворошить!
А соломка шуршит под ухом,
А горячка целует лоб,
И оденься хоть вербным пухом —
Не унять, не умерить озноб.
Мне, невольнику постоянства
И стекольной тепличной слюды,
Словно прорубь, сырое пространство
И распущенный волос воды...
А в ночи только лай собачий
И разбойничьи шапки гнезд...
Посулите хоть вы удачи,
Воск молчанья да вереск звезд!

1993 г.

25

* * *

В перламутровой прели апреля,
Как в стакане сухого вина —
Губы вяжутся в узел свирелью,
Свиристящей из хвороста сна.
Холод все так и целит — нахален —
Из рогатки — из озорства!
Дым сиренев, пасхален, крахмален,
С горьким привкусом воровства.
В сене пыль, и плевочки помета,
И дрожащая впопыхах
Позабывтая плоть полета
Да едва оперившийся страх...
И теплом-то не пронята толком,
А скорлупка уж стала тесна —
Из гнезда, будто вынута только,
Голубиным яичком весна.

1.993 г.

26

* * *

Белых чаек солнечные крики
Над свинцовой вешнею водой...
Ты нашла четыре сердолика,
Брошенных холодною волной.
Кто виновен в том, что мы земные,
И умеем только жить и ждать?
Мы теряем наши золотые...
А находим, чтобы потерять.
Связанные нищенством, как братством,
На сиротском зябком берегу
Мы с тобой мечтаем о богатстве...
Ветер веет, а года бегут.
Сносит ветер белых-белых чаек...
В море канет талая вода.
Но весну на седину меняя,
Ты вернись когда-нибудь сюда.

1987 г.

27

Как серые и легкие шары,
В проточном воздухе подвешены деревья,
Но вот — движение, и кучевым кочевьем
Воды опричной вздыбились шатры!

И заметью по соснам молодым
Предвестие уже пылит, и верно,
Там сизым голубем, клубясь, почтовый дым
В окно стучит повесткой вербной?..

И все подвиглось, будто к рубежу
Привычного — под трест сухих приказов
Со странным трепетом, и я уже гляжу
В лицо грозы голубоглазой!

1990 г.

* * *

Отбросим все —
Вот-вот прольется дождь.
И он смешается
С апрельскими дымами,
С ожившей прелью
Высвеченных рощ...
И молния растреснется над нами!
Зеленая, душистая, хмельная
На кровли вдруг
Накатится вода...
А вот и жизнь,
Как холст простой, — льняная —
Натянута
Для светлого труда!

1990 г..

Словно льется апрельская свежесть
Сквозь еловую прозелень звезд —
Как подснежник — застенчив и нежен,,
Распускается в сумерках дрозд...

И случайно выводит колена
Над рекой сновидений и грез —•
Восхититель весенней вселенной,
Похититель березовых слез!

Но потом — у истоков забвенья
Возвратить не забудьте дрозду
Тишины удивительной звенья
И созвездий сырых резеду.

1986 г.

* * *

Дни входят к нам
Размеренной чередой.
И что ни день,
То все лицом яснее —
С охапкой вербного,
А то уж и с колбой,
С покатою чайкой
Над смурной водой —
Что мутным холодом
И пресной гнилью веет...
Но я люблю
Неверность и веселость
Босых небес,
Бегущих ввысь от нас,
То облачных,
То чистых в тот же час,
С печалью светлую
Глядящих на проселок.

1991 г.

* * *

Холодное колодезное небо
Глотаю, обливая грудь...
И ломит зубы, обжигая небо-
И к сердцу пробивая путь!

Мне дышится, как вспаханному полю
В испарине апрельского тепла,
Как паводку, почуявшему волю,
Застигшему околицу села...

И вот, грачей
Взволнованное вече
Над колокольной брошенной шумит...
Как будто бы она
Сквозь грай и вечность
Охрипшей медью говорит.

1986 г.

32

**Томск.
Воскресенская церковь**

От пьяного весеннего трамвая
Там булочные жмутся по углам,
Там вывески твердят не уставая:
Галантерея! Соки! Фрукты! — там

Я маялся! Я целый день бродил...
Но мне не надо ни носков, ни хлеба...
Вот, облака! — Я пару б штук купил,
Да только в церкви лестница на небо...

А церковь — заперта? — Да, в ней теперь архив —
Большой ремонт и... маленькая смета...
И вас, известкой синей окропив,
Туда не пустят даже с партбилетом!

1987 г.

33

ВЫСОКОЕ СОБРАНИЕ

Ворочаясь, мешаясь, громоздясь
По ярусам, как в опере могучей,
Галдя беззвучно, умолчно бранясь,
Собрались в круг подтучки, тучки, тучи!
Да что им слушать? Разве только гром
Все их же кресел с откидным сиденьем?
Но кто-то тянется дрожащим синим ртом,
Проваленным в ораторском волненье...
Почем же нынче станет синева,
Ходившая недавно за бесценюк,
В височных жилках, бившихся едва,
Стоявшая в набухших полых венах?

1991 г.

ЦИРК

Внимай же выдоху валторны,
Тоски весенней волонтер!
В нем дышат влагой колкой волны,
Качая цирковой шатер.
В нем запах праздника и пота,
И страх паденья поборов,
В триумфе полном страсть полета
Поверх смятения голов!..
Там блещет Афродита в пене
Литых божественных коней! Фарс!
Феерия! Наважденье!..
И восхищение огней!
Тела гимнасток откровенны...
И в нескончаемом сальто
Над ослепительной ареной
Бродячий воздух шапито!

1989 г.

* * *

Пригородное лето!
В городьбе тишина.
И веселого света
Вся округа полна.
Простыней по веревкам —
Чистота — белизна.
Беспризорным подсевком
Расцвела бузина.
Во дворах кривоватых
Роют куры навоз.
Товарняк тороватый
Ссыпал стучи колес...
Но опять все умолкнет
И послышится мне —
Сердце девичье екнет
В отсыревшем окне.

1988 г.

36

* * *

Я очнулся и сквозь онемелость
Ощутил, что сумею дойти
До истока, до водораздела,
До цветущих в тумане светил,
И не стало ни страха, ни боли,
Лишь дыханье спокойных пустынь.
Неизведанным запахом воли
Обожгла мои ноздри полынь.
Вновь у губ привкус неба и соли,
Свет и легкая пыль на пути.
Твой ли, Господи, голос веселый
Распростерся забвенный в груди?
Ни спасти, ни избавить от мести
Я Тебя никогда не просил,
Только помнил, что были мы вместе
В первозванном смешении сил.

1990 г.

37

* * *

Мне жалко тишины —
Она пчелиный воск,
Глубоких сот янтаря
И крыльев трепетанье,

И вспыхнувший алтарь
Под солнечным сияньем,
Что из-под купола
Безмолвно пролилось...

Постойте просто так,
Пусть — ни молитв,
Ни пенья.
Пусть Отче отдохнет
От славы и трудов.

Доверьте тишину
Пчелиному гудению,
Смолой текущему
К подножию стволов!

1991 г.

* * *

Я знаю — солнечно и дико
В ущелье том, где тишина
Вплетает в косы ежевику,
И грудь ее обнажена...

А тело, тело невесомо,
И терпким холодом ручья
Она в густую синь влекома —
Чиста! — Свободная, ничья...

Но я приду ее нарушить...
Нет! — Я приду ее украсть!
Дам азиатскую ей душу
И возмутительную страсть!

1988 г.

* * *

Меж нами плыли облака...
Деревья шли. Мы шли за ними.
Был воздух дымчатым и синим.
Была легка твоя рука.

Твоя рука была светла,
Как день, как ночь, как рек начало...
Ты солнце яблоком роняла
Из пятипалого тепла,

И целый мир летел в траву,
Росою крупной огорошен,
И был веселым и хорошим
Твой взгляд во сне и наяву.

1988 г.

* * *

Опять забытая латунь,
Как роза чайная — в разгаре,
И весел вновь, и самоварен
Звенит стаканами июнь.

Размякли струны — только тронь,
Повсюду говорок гитарный...
И керосиновый огонь,
И чай пахучий и янтарный.

Вечерний кружится мирок,
И все отчетливей цикады —
Как будто жизни кровотоки .
Шуршит в листве ночного сада.

1989 г.

* * *

Чашка чая
 голубая
С золоченою
 каймой.
Чай дымится,
 остывая,
Ароматной
 тайной тьмой.
Чай горчит
 и вяжет губы.
Чай струит...
 И невзначай,
Заговаривая зубы,
 Топит в сумерках
печаль.

1990 г.

* * *

*Цвела черемуха и падал белый свет
На Ваше платье с кружевной оборкой.
Я Вам читал стихотворенья Лорки...*

Грудная игра — гитара
С открытых веранд прольется,
И в сладком чаду кольхнется
Латунный цветок самовара...

О, дачное новолунье!
Вода в роднике шербата,
Как, может быть, ты когда-то?
Как эта звезда — пливунья.

Как эта звезда сырая...
Коснись же ее губами,
Как темный овраг, зарастая
Смородиной и грибами.

1989 г.

ПОЛКОВОЙ ОРКЕСТР

Улитка валторны... В изнеженном парке
Июльских межгрозий зеленый парок,
Медовый оркестр выводит урок —
Сольфеджио мелом начищено ярко!

Медовый оркестр — бедовая медь!
И кто научил вас так сочно гудеть?
Так сочно и жарко вздыхать и страдать
И ноты с пюпитров неожиданно ронять?

А мимо чулки соблазнительных дам —
Проходят гражданки, держа оборону —
Железно их женское — «Я вам не дам!»
И... стонет оркестр, и... грают вороны!

Играют валторны, и... грают грачи!
И трубы слюнявят, трубя, трубачи,
Вдувая в их попки смертельную страсть,
Перловкою пота серьезно лучась.

1989г.

ВОКЗАЛ

Гриффы и струны —
Оркестр отчаян!
Кони, цыгане,
Отмычки, смычки...
Табор вокзала
Волненьем качаем —
Где мы? Куда мы? —
Удары, толчки...
Буханье баса,
И визг электричек,
Запахи кваса,
Сортира и спичек...
Спичи, объятья,
Рыданья в пиджак,
Проводники, провода
И распятыя —
Во искупленье зеванья зевак™.
Лязги железа,
Мазута мазня,
Душных буфетов
Скупая грызня...
Чахлый обходчик
Измазан и зелен
То ли от зелья,
То ль от тепла...
Грязь и дрожанье дверного стекла
Лавок постылые тесные грядки...
Все!
Отправляемся! —
Нам на посадку!
Жизнь из сливного бачка потекла.

1990 г.

У! ГРОЗА

Страхнув с карниза перья и труху
Чугунной спелой гирей грома,
Фронт грозовой подвинул крышу дома...
Но мы-то знали, что вверху
Хмельные ангелы играют в кегельбан
И пиво пьют в своем небесном пабе,
Сам бог войны, как водится, — при штабе,
И как обычно, нынче снова пьян...
Но штабмы щуплых роз прошупаны грозой —
Под мышками, в паху, — как щупает патруль...
А воздух весь в отверстиях от пуль
И пахнет интендантскою кирзою.
И я прижат к стене, как шут, в дешевом тире...
Дыханья нет в зобу...
Но дайте же сказать!
Я лишь спешил домой, чтоб спрятаться в сортире
И, черт возьми! — Гроза!

1994 г.

* * *

МЕДЕЯ

Грозы валторна, глухо ноя
От близости небесных губ,
Окно покроет слуховое
И жерла водосточных труб...

Как Бог, творящий мирозданье,
Сводящий девочек с ума,
Оркестр стихий ворвется в зданье —
В шкафы, трюмо и закрома!

И от желания балдея,
И хлестче все, и все смелей
Коснется, сыростью повеяв,
Он репутации Твоей!

1989 г.

Не знаю — насколько красива,
Но я-то уж точно — нелеп:
Целуюсь с тобою, счастливый,
От терпкого меда ослеп.

И где же Гомер, что воспел бы
Чужого пространства глоток,
И темперу губ твоих спелых,
И нежного солнца желток?

И меря на вкус и на ошупь,
Я словно катаю во рту
Густую и липкую рощу
Реликтовой липы в цвету.

1993 г.

Столкнувшись со слепым дождем,
Омытые его елеем,
Мы прижимаемся и ждем...
И сладковато пахнут клеєм
Сырые доски объявлений.
И там и тут — куда ни плюнь,
Ерошит взбалмошный июнь
Куртины гибельных сиреней.
А дождь слезится все теплей
По листьям, по щекам заката,
Как будто плачет Пан рогатый,
Лелея флейты тополей.

1993 г.

В перепончатом хламе иссохших стрекоз
Я нашел отпечаток архейских полетов.
Еще... сумрачный запах докембрийских гроз...
Или слез в хвоцевых переплетах.
И еще
Ощущение хищной,
Из болота растущей любви,
Что в развале гербарном все ищет
След сырой парниковой крови...
И никак не улягутся страсти —
Вот и к нам возвращаются вновь:
Перепонок летательных снасти
И к бессмертному небу любовь.

1993 г.

РУСАЛКА

О дно каменистое трется
Бурлящее тело реки,
А счастье над нами смеется
И не подает руки.
Но ты из породы русалок —
Устав от Сахары наук,
Свой сахар в стакане мешала,
Роняя рассерженно звук...
И вся в этом плеске и звоне
Ты, словно севрюга, мокра,
Чья в нерестовой погоне
Давно золотая икра.

1993 г.

* * *

В ресничных дебрях кедрача
На мягких, но упругих лапах
Горячий благородный запах
Расплавленного сургуча —
Текуч великолепный зной
В густых волнующихся травах,
Но золото вечернего расплава
Легко подернулось золой...
Потока жаркого струя
В пыли закатного светила...
И вот уже рука твоя
В последний раз глаза прикрыла—
Отяжелела кровь в ногах,
И липкие смыкались вежды,
И звезд репейник в лопухах
Уже цеплялся за одежду...
И вдруг, он сам передо мной —
С косою, в спутавшихся космах,
Осыпанный сенной трухой,
Цыганский диковатый космос!
И что-то нужно говорить,
И что-то делать в одночасье!
И в темноту не упустить
Твое дрожащее запястье...

1994 г.

Ну вот и сброшен панцирь дня.
Ночная тайная свобода
Нас сводит под небесным сводом
Здесь, у древесного огня.
И тяжелеют вдруг слова
И жесты, полные значенья,
Продолженные длинной тенью
Туда — во мрак, за круг родства...
И мы как будто бы растем,
Вдруг задеваемы звездами,
И звезды больше не над нами,
А здесь — меж нас, и вместе с нами
Единым движутся путем...
Но, знаешь, если я сорвусь,
Как ты меня во тьме отыщешь?
И без меня упавших тыщи —
С обрыва — в Лету, в летнем рву —
В густую душную траву,
В полынно горькую отраву...
А ты — найдешь ли переправу?
Услышишь, как тебя зову?

1993 г.

Ночь падает. Весло ложится в воду,
Как лещ упущенный в подводную свободу,
И тишина опять переполняет омут,
И звезды льются, льются с небосклона
Сюда—за полночь—в тьму и в глубину—
К нам—в сердцевину смолкнувшего года
В запруды ночи — и идут ко дну —
К огням далекого и чахлого завода...
И снова ночь — размеренны движенья...
Вода стоит и держит отраженье
Ночного неба, лодку между звезд...
Весло томится жаждой погружения.

1987 г.

КАРМЕН

Смугла и поджара — дикарка!
Все пеплом — чего ни коснись!
И рядом с тобою так жарко,
Что корни волос занялись...
Ты солнца морского осколок.
Тебе с океаном дружить.
Тебя ожерельем атоллов
Украсить: украсть, окружить!..
Но кто-то чужой окунулся
В лагуну, в лазурный проем...
И ревности дротик качнулся
В коралловом сердце моем.
Лишь тень от пироги двурогой
Да нежные сети ловца...
Ты прежняя — ты недотрога,
Но в ловких руках продавца.
И что ж я — бесцельно гадаю,
В чем смысл твоих жгучих измен?
Я в воздух монету бросаю —
Над книгою перемен.

1993 г.

Вермут в высокой бутылке —
Степь, духота, полынь...
Боль в раскаленном затылке...
Сердце, хоть ты остынь!
Все это длинно, тягуче —
Пряный и пыльный хмель...
Лето, продавшее тучи,
Мучит виолончель...
Ходит по высохшей даче
Скучный, измаянный день...
Точка! — Напьюсь и расплачусь,
Ткнувшись в скрипичную тень!

1985 г.

Когда жара свивает нити
Болезни, скуки и тоски,
Зажав в тисках мои виски,
Я ночи жду — ее наитий.
Что темной зеленью волны
Дышать нас учат по-иному —
Как плавает комар по дому,
Как ходят по подушкам сны...
Дышать, как дышат половицы
В касаньях призрачных шагов...
Дышать, как звезды или птицы,
Зарывшись в перья облаков.

1989 г.

Придержи на своем языке
Слезной иволги тающий лед —
Пусть хоть тенью стрекозы полет
Продолжают в прогретой реке
Летней жизни — воздушную суть
В пене таволги дай-ка обдуть...
Как в гитару, в разъятую грудь
Стрекозиную пустошь вдохнуть,
Чтоб лишь ломкого страха слюда,
Только крыльев сухих стрекотанье
Да закатного солнца руда,
Загрудившая мирозданье...

1993 г.

Как пусто! И печка дымит...
И ветви сгибаются плача,
Осеннее солнце по дачам
Сквозь слезы сады золотит.
Как в склеп, в застекленный балкон
Последние осы все бились,
Как будто их здесь позабыли
В смурной суете похорон.
Но, странно — мне мило усенье.
И тянется сердце любить
Развал цветников, запустенье,
И страсти слабеющей нить...
И даже пожухло - линиях,
Как листья бумажных венков,
Я все еще жду запоздалых,
Ненужных признаний и слов...
Когда б эту брагу агоний
Лишь только слегка пригубить!
Да линию жизни с ладони
На вдовьих просторах продлить.

1993 г.

ЖУРАВЛИ

Как этот робкий нервный танец
К лицу последнему листу!
Его чахоточный румянец
Живит пустую высоту.
Лишь легкий пепел костровища
Да солнца дряхлого рубин...
Но где еще такой отыщешь
Багрянец жертвенных рябин?!
Пусть не наплакаться от дыма —
Очнись! Прислушайся... Внемли,
Как стало явно ощутимо
Вращенье всхолмленной земли...
От вдруг открытого простора
Заходит кругом голова
За край крутого косогора,
Где только ветер и трава!
Где заскользи по влажной глине,
Бумажной рухлядью шурша,
И вслед за клином журавлиным
Готова вырваться душа!

1994 г.

* * *

Праздник жизни быстротечный
Отзвенел, и тишина
Горьким запахом аптечным
Неожиданно полна...
И дворами, через лаз
От наушных юрких глаз,
От юродивых и встречных
Я шарахнусь по Заречной!
Пусть меня возьмут с поличным —
С тусклой просинью небес!
Пусть засвищет лед синичий
Под коньком лихих повес!
Но его ловить не надо —
И не пойманный, он вор —
Вот он, снег-то — ходит рядом,
А за пазухой — простор...

1990 г.

* * *

Сухое золото берез,
Рассыпав в старческой лазури,
Зря ветер рвет, глаза зажмурил,
Присохшие бинты берест...
Едва ль поспеют до беды
Благие вести от Матвея...
И не от ужаса мертвеют
В Огне Антоновом сады...
Уж нас приветствует, кружа,
Ворон октябрьская стая,
Как будто бы предвосхищая
Удар садового ножа.
И как из омота, устами
Из лазаретной суеты
Мы тянем Лазаря, и хладными перстами
Нас манит он с померкшей высоты.

1994 г.

РЯБИНА

Свежеоктябрьских царапин
И в снах, видать, не избегу,
Но этих алых сочных крапин
Не в силах видеть на снегу...
Зачем мне кровь твоя, рябина?!
Тебя пусть пробует снегирь.
Меня малиной от ангины
Пока что потчует Сибирь.
А ты горчишь, целуя в губы...
И знаю — дразнишь ты меня,
Пьянящим пламенем маня,
Бежать на улицу без шубы!

1994 г.

* * *

От шума пыльных городов
И я когда-нибудь устану,
И я от поезда отстану
В краю сосново-хвойных снов.
Пусть где-то спрятанный в урмане
Отыщет сердце тайный скит,
Где свечкой тонкою горит
Душа таежной глухомани.
И жить там сдержанно и строго.
Храни покой, замшелый тын!
Пусть тянет медом от вошин
И веет домом от порога,
Древесным маслом от лампы,
От свежих выскобленных плах.
Пусть золотом горят оклады
На потемневших образах,
И... петухи на полотенцах!
С простой посудой поставцы...
И пахнут вымытым младенцем,
Там церкви рубленной венцы.

1994 г.

ВЕЧНОЕ

Вновь на лобном плахи да столбы...
Розный люд с морозу в горсти дует...
Царь коня поставил на дыбы,
Ну да чернь по-прежнему бунтует,
Наглый тать опять всю лютует,
Паперть превращается в кабак,
Пьяный дьякон с девкою балует,
Нищие дерутся за пятак...
Боже! Боже, что же нас связует?
Вья? Вой? Злословие молвы?
Имя замусоленное всеу?
Легкий пар от снятой головы...

1994 г.

* * *

Остановив буранный бег,
Зима, как чистую святыню,
Дарует мне глубокий снег,
Налитый осветленной стынью.
Туманом редким дышит день —
Иззябнешь, в розвальнях елозя!
Да сбилась шапка набекрень,
И щеки рдеют на морозе...
Но, словно дети, в небесах,
На розоватом льду играя,
Дымы в тулупах и пимах,
Как мячик, солнышко гоняют!

1994 г.

* * *

Гадать по птицам —
Будет ли погода?
И жечь костер —
Гнать с дымом детский страх.
И брать горстями
Лягушачью воду...
И есть бобы,
Гадая на бобах.
Ходить по полю рядом с васильками,
Приветствуя цветущий иван-чай,
И марьин корень встретив невзначай,
Здороваться обеими руками.
И жить среди тыкв, среди туч, среди
грядок,
И постигать божественный порядок
Идущих чередою перемен,
И переменам подчиняться, ничто не
требуя взамен,
Знать каждую в лицо и поименно,
Когда медвяный вкус имен...
Когда ты именов, как медом, опьянен,
Лишь пей его незамутненным.
Я так живу, жить оставляем здесь,
И, может быть, я тоже что-то стою,
Когда, как пылью золотой, пыльцою
Осыпан весь.

1994 г.

НОЯБРЬ

Лишь от заставы до заставы
Проходит солнце по дуге,
И жизнь на грани ледостава —
Вся в обжигающей шуге —
Легла разгульно, бранно, пестро
Да дегтем сдобривает мед:
Куда ни ткнишь — повсюду остро,
Куда ни кинь — повсюду лед,
Угар безумного запоя,
Богоотступничества чад,
Да нет спасенья от разбоя —
Держи карман, Калашный ряд!
И лодки жмутся у прикола
На застывающей реке...
Лишь воздух, словно дух раскола
С кадиллом истины в фуке...
Уже отвыкнув от прогулок,
Не зная что и где найду,
Туда, свернув в глухой проулок,
Словно к причастию иду —
Как двоеперстье староверца,
Там тополь стал на берегу,
И храм, как вырванное сердце
В сухом ноябрьском снегу...

1994 г.

Грубой жизни дерево сухое
Над обрывом дней моих стоит.
Ветер уж его не беспокоит,
Ясность солнца уж не веселит.
Вот оно — легко и одиноко,
И свободно от листвы страстей.
И теперь здесь — от земли высоко
Ты гнездо для лучшей жизни своей.
Лучшей жизни... Если есть такая...
Ближе к звездам — чище небеса!
Но отсюда и земля другая —
В дорогие убрана леса...

1993 г.

Москва жила сверхдальним перелетом,
 Но ласточки твои не слушались руля
 И осеняли царственным пометом
 Фуражки, шлемы, кителя...
 Ты не имел согласия с управлением.
 И каждый раз, чертя наискосок,
 Перо срывалось и слепым движеньем
 Ласкало ветренный висок...
 А город был красив и невменяем —
 В проулке каждом бился карнавал,
 И каждый с наслажденьем лгал,
 Под кумачом неузнаваем...
 Веселье шло, накрыв тебя волной.
 Ты жить пытался, задыхаясь...
 И серп и молот взвились над тобой!
 И вены улиц отворялись...
 Все это жизнь, и все же это — тленье...
 А ты дичился праздности босой,
 Ты жаждал жить лишь с совестью одной..
 Но все лепилось за одно мгновенье
 Из окровавленной бумаги и муки...
 И воронье жесткие трамваи
 Срывались где-то со стальной руки
 В безвременье, голов не выбирая...

1987 г.

СОДЕРЖАНИЕ

«На золотых листьях...»	5
«Мы копаем картошку...»	6
В осеннем саду	7
«Лежат просторные дни...»	8
Дождь.....	10
«Тянет судорога сухожилия...»	11
«Осень...»	12
К картине Леонардо «Дама с горностаем» .	13
Зима	14
«Мороза звонкая секира...»	15
«Косая синь... Косая сажень...»	16
Февраль	17
«Зачем никчемный птичий свист...»	18
«По балетмейстерской воде...»	19
«Ах, как гулялось нынче здорово!»	20
«Здесь все снега, а сердце там...»	21
«И вновь надвинулась весна...»	22
«Март. Герани. Головная боль...»	23
«Надменно, каменно скалистая вода...» . . .	24
«Тонкий месяц да холод мяты...»	25
«В перламутровой прели апреля...»	24
«Белых чаек солнечные крики...»	27
«Как серые и легкие шары...»	28
«Отбросим все...»	29
«Словно льется апрельская свежесть...»	30
«Дни входят к нам...»	31
«Холодное колодезное небо...»	32
Томск. Воскресенская церковь	33
Высокое собрание	34
Цирк	35
«Пригородное лето!...»	36
«Я очнулся и сквозь онемелость...»	37

«Мне жалко тишины...»	38
«Я знаю — солнечно и дико...»	39
«Меж нами плыли облака...»	40
«Опять забытая латунь...», 4 1	
«Чашка чая...»	42
«Грудная игра — гитара...»	43
Полковой оркестр	44
Вокзал	46
У! Гроза.....	47
«Грозы валторна, глухо ноя...»	48
Медея	49
«Столкнувшись со слепым дождем...»	50
«В перепончатом хламе иссохших стрекоз...» .	51
Русалка	52
«В ресничных дебрях кедрача...»	53
«Ну вот и сброшен панцирь дня...»	55
«Ночь падает. Весло ложится в воду...»	56
Кармен	57
«Вermut в высокой бутылке...»	58
«Когда жара свивает нити...»	69
«Придержи на своем языке...»	60
«Как пусто! И печка дымит...»	61
Журавли	62
«Праздник жизни быстротечный...»	63
«Сухое золото берез...»	64
Рябина	65
«От шума пыльных городов...»	66
Вечное	67
«Остановив буранный бег...»	68
«Гадать по птицам...»	69
Ноябрь	70
«Грубой жизни дерево сухое...»	71
«Москва жила сверхдальним перелетом...»	72

Л и т е р а т у р н о - х у д о ж е с т в е н н о е и з д а н и е

Андрей Владимирович ПРАВДА

ЗАБЫТАЯ ЛАТУНЬ

С т и х и

Редактор *С. Л. Донбай*

Художник *В. П. Кравчук*

Технический редактор *Р. П. Макарова*

Корректор *Е. С. Захарова*

Сдано в набор 13.07.95 г. Поди, к печати 18.09.95.
Формат 60X84 1/32- Усл. п. л. 2,18. Печать высокая. Гарнитура Литературная. Бумага типографская. Тираж 1000 экз. Зак. 1(309). Цена договорная.

Издательство «Сибирский родник»,
650099, г Кемерово, пр-кт Кузнецкий, 25.

650020, г. Кемерово, ул. Н. Островского, 17.
Типография УВД.